

УДК 821.112.2

М. Нееке

О НАЧАЛЕ И ИСТОКАХ. ЛИВОНСКАЯ РИФМОВАННАЯ ХРОНИКА КАК ТОЧКА ОТСЧЕТА ДЛЯ ЛИТЕРАТУРЫ В ТЕВТОНСКОМ ОРДЕНЕ

5

На сегодняшний день почти во всех историко-литературных исследованиях высказано мнение, что Ливонская хроника производит впечатление поэтического произведения с элементами архаики. Часто указывается на близость хроники к германской героико-эпической поэзии. Сложившееся представление, которое искажает образ хроники, нуждается в корректировке. Предлагаемое литературоведческое исследование текста хроники находится в ряду исследований по формированию корпоративной идентичности Тевтонского ордена.

Almost all recent historical and literary studies agree that the Livonian Chronicle conveys an impression of a poetical work containing archaic elements. The affinity between the Chronicle and German heroic epic poetry is often stressed. The established perspective, which distorts the image of the Chronicle, requires adjustment. This literary study into the Chronicle's text complements research on the development of corporate identity in the Teutonic Order.

Ключевые слова: Ливонская рифмованная хроника, Тевтонский орден, филология, идентичность.

Key words: Livonian Rhymed Chronicle, Teutonic Order, philology, identity.

Хотя Ливонская рифмованная хроника, написанная на средневерхненемецком [26], и не является самым древним текстом, повествующим о Тевтонском ордене и его истории, ее все-таки можно назвать своего рода точкой отсчета историографии ордена. Здесь нужно подчеркнуть важность видового отличия этой хроники от других текстов ордена. Конечно, *Narratio de primordiis ordinis Theutonici* [7] значительно старше Рифмованной хроники, оконченной после 1290 г. Согласно М. Перльбаху [35, S. 388], текст *Narratio* появился между 1204 и 1211 гг. К. Форштройтер [13, S. 457] датирует его временем после 1232 г. Наконец, У. Арнольд [1, S. 23] и М.-Л. Фавро [10, S. 102] предполагают, что *Narratio* относится к периоду после 1244 г. Возможно, еще старше «Донесение» Хартмана фон Гельдрунгена об объединении ордена меченосцев с Тевтонским орденом [15] и так называемое «Донесение» Германа фон Зальца о завоевании Пруссии [3]. Однако все эти тексты можно охарактеризовать как скудные по содержанию, охватывающему только не-

большие отрезки орденской истории. Рифмованная же хроника — это первый текст, который обстоятельно сообщает о корпорации и представляет значительный фрагмент орденской истории.

Своим объемом в 12 017 стихов Ливонская рифмованная хроника заметно выделяется на фоне более старых исторических текстов. В издании Л. Мейерса она представлена на 274 страницах, в то время как *Narratio* в издании М. Тёппена занимает только 6 страниц, так называемое «Донесение» Германа фон Зальца в издании Т. Хирша — 10, а «Донесение» Хартмана фон Гельдрунгена — вообще 4. Тем не менее не только объем повествования, но и описанный период времени позволяет увидеть разницу между этими текстами. В Рифмованной хронике повествование простирается от так называемой «высадки», когда немецкие купцы впервые прибыли в Ливонию (или — лучше сказать — должно быть, прибыли), до подчинения земгалов-язычников — то есть с начала XII почти до конца XIII в. *Narratio*, напротив, концентрируется на периоде между 1190 и 1199 г., «Донесение» Германа фон Зальца уделяет внимание лишь времени с 1220 по 1246 г., а «Донесение» Хартмана фон Гельдрунгена — промежутку с 1235 по 1237 г.

Существуют и другие причины обособления Ливонской рифмованной хроники. Между тем проблематично отнести ее к началу орденского летописания, то есть представить как точку отсчета орденской историографии. Так, она в этом статусе не оказывает какого-либо влияния на последующую традицию [33]. К. Хельм и В. Циземер отмечают, что хроника никак не сказалась в дальнейшем на историческом творчестве в ордене [18, S. 149]. Появившиеся в XIV в. тексты, охватывающие значительный период времени, не только не следуют за Ливонской рифмованной хроникой [4, Sp. 958], они вообще никоим образом не опираются на нее [31, S. 236]. Кроме того, в Ливонской рифмованной хронике отсутствует какая-либо идеологическая программа, характерная для текстов Дусбурга и Ерошина, а литературное самовосприятие (*Selbstverständnis*) этой работы не стало основой для последующих поколений орденских хронистов. Ни *Chronica terrae Prussiae* [36], ни *Kronike von Pruzinlant* [34] не продолжают (ни формально, ни содержательно) того, что начала Ливонская рифмованная хроника. Орденские хроники XIV в. появились, скорее всего, независимо от нее.

Если принять во внимание, что библейско-эпические поэмы «Юдифь» [22] и «Эсфирь» [19], несмотря на некоторую связь с орденом, возникли за пределами орденской братии (а здесь не может быть иной интерпретации! см. [11]), то тогда Ливонская хроника сразу же оказывается в первом ряду сочинений, которые связаны с корпорацией с самого начала ее существования. Утверждение об особом месте Ливонской рифмованной хроники в качестве исходной точки кажется очевидным не только в контексте орденской хронистики. А.В. Мюррей говорит о Рифмованной хронике как о самом раннем образце литературы Тевтонского ордена [31, S. 236], а «Юдифь» и «Эсфирь» остаются просто неучтенными, равно как и более древние исторические тексты: *Narratio*, «Донесения» Германа фон Гельдрунгена и Германа фон Зальца.

Как же в таком случае следовало бы определить орденскую литературу? Очевидно, территориальные пределы возникновения хроник не подходят для очерчивания границ литературы Тевтонского ордена, и это не делает ее более гомогенной: Рифмованная хроника отличается от текстов Дусбурга и Ерошина так же, как от других литературных сочинений в ордене. Фактически гетерогенность литературы, которая ассоциируется с орденом, проявляется в «Легенде о Мартинии», созданной почти одновременно с Ливонской рифмованной хроникой орденским священником Гуго фон Лангенштайном [21]. Завершенное, по некоторым свидетельствам, в 1293 г., это поэтическое произведение о Мартинии сближается с Рифмованной хроникой только временем создания. При том что Ливонская рифмованная хроника сообщает о военной колонизации Балтики, «Легенда о Мартинии» практически ничего не говорит об этой войне (291, 91), а представляет жизнь и мучения святой Мартинии. Таким образом, между этими текстами нет никакой связи за исключением, пожалуй, такого тривиального подобия, как, например, общая стихотворная форма. Ф. Лёзер между тем видел «Мартинию» в ряду произведений Тевтонского ордена [27, S. 12]. Х. Фишер же стремился рассматривать текст в связи скорее с верхнерейнской поэтической легендой, нежели с орденской литературой, что было бы исторически корректнее [12, S. 335].

Почему же следует вообще вывести «Мартинию» из орденского литературного контекста? Если, как я предлагаю, отказаться от термина «орденская литература» в пользу «литературы в ордене» как интегративного концепта, то уже не представляется проблемой бесспорная гетерогенность текстов, по-разному связанных с орденской корпорацией. Тогда исключение или маргинализация «Мартинии» теряют смысл. Что же касается вопроса о начале орденской литературы, то предложенный подход позволяет снять ряд сложностей. Вместо того чтобы выявить определенное *начало* орденской литературы (в единственном числе!), теперь становится возможным допустить множество начал литературы в ордене (множественное число!). Происхождение Ливонской рифмованной хроники, создание «Мартинии», а также освоение духовных сочинений в корпорации и их переосмысление с учетом военной составляющей ордена — все эти явления можно интерпретировать как различные истоки литературы в Тевтонском ордене. Если же разные начала не сводятся к единому целому, но остаются без какой-либо взаимосвязи и сохраняют свою гетерогенность, то не стоит это и рассматривать как проблему!

Выводы о том, что мы уже более не воспринимаем массу текстов как однородную или как определенную установленными границами, а также о том, что следует отказаться от представления о единственной исходной точке, относятся не только к орденской литературе вообще, но также ко всей хронистике корпораций. И хотя все орденские хроники имеют отношение *eo ipso* к корпорации Тевтонского ордена, все-таки это отношение в отдельных текстах проявляется по-разному.

Далее пойдет речь о Ливонской рифмованной хронике именно как об *исходной работе*. Этот исходный статус касается также и литературного формирования идентичности внутри ордена: ведь литература

при конструировании социальной идентичности может играть значительную роль [32, S. 27]. Как ранее указывалось в исследованиях по структуре текста, рифмованная хроника сближается с сагой и героическим эпосом, и поэтому ее предлагали считать точкой отсчета. В качестве предполагаемых архаизированных структурных элементов часто приводились выраженная шаблонность текста, определенные имена и применяемая лексика.

На ярко выраженную шаблонность Рифмованной хроники уже в 1876 г. указал Е. Штайнмайер [39, S. 242]. Ссылка Штайнмайера на шаблонность сама по себе справедлива. Однако нельзя признать верным объяснение этого через интерпретацию использования шаблонных фраз как доказательство хронологической удаленности автора от описанных событий, равно как и констатацию его поэтического бессилия [39, S. 244]. Разумеется, признать стилистическую индивидуальность через критерий эстетической ценности проблематично: мнение Штайнмайера остается зависимым от личного исторического представления, у которого мало общего со средневековым восприятием. Отказ от аргумента Штайнмайера, кажется, выразился в еще большей архаизации Рифмованной хроники, когда в начале XX в. в рамках *oral poetry* развернулось обсуждение осмеянного влияния шаблонов в связи с устной импровизацией.

Теперь, конечно же, Рифмованная хроника не представляется устной импровизацией. Утверждать это, может быть, и тривиально, однако средневековая литература имеет скорее опосредованное отношение к устной традиции [16, S. 26]. Так, всякая устная поэзия шаблонна, но не каждое шаблонное построение текста указывает на его фактически устное происхождение. В Средневековье шаблоны — это удел письменной культуры [2, S. 432]: М. Куршман относительно «Песни о Нибелунгах» [6] пришел к выводу о сознательном «олитературивании» устного стиля повествования [5, S. 93]; Ф. Мертенс говорил об этом тексте как о письменной литературной работе, чье устное происхождение является выдумкой [28, S. 360]. Для Ливонской рифмованной хроники такое сравнение или маскировка чужды, более того, письменная форма в ней выразительно продемонстрирована. При помощи формулы «als ich han gelesen» («как я прочитал») (стр. 6322, 11092, 11504) текст отсылает к предшествующей главе, которая саму себя рассматривает как «daz buch» («книгу») (стр. 2424, 3432, 4041, 4080, 8495, 8514). Уже в XIX в. Ф. Калмайер [23, S. 511] отмечал, что эта характеристика относится не к каким-либо другим источникам, но к самому тексту. Хотя, несомненно, касательно этих формул речь идет не о том, чтобы анализировать новое художественное средство или теоретически его осмыслять; письмо здесь выглядит совершенно естественно как форма коммуникации.

Х. Куглер приводит уже не шаблоны, но некоторые из использованных в рифмованной хронике названий, когда ему хочется также присвоить тексту архаичный облик. При этом он допускает чуть ли не мифологическое содержание текста. Так, в Рифмованной хронике всегда, когда речь идет о Ливонии, упоминается «Nieflant», что, согласно Куглеру, указывает на легендарную далекую Nordland — землю Нибелунгов.

лунгов. Название «Nieflant» как бы превращает Ливонию в легендарную землю [25, S. 23]. Происхождение этого тезиса Куглер нисколько не скрывает. Название «Nieflant» уже в 1819 г. Ф.И. Моне объяснял как воспоминание о неизвестной древней земле Нибелунгов [30, S. 136–137]. Апелляция Куглера к Моне, конечно, удивляет, так как его идеи уже в XIX в. были подвергнуты критике и с тех пор считаются опровергнутыми. Как оказалось, Рифмованная хроника не является ни единственным, ни первым текстом, который использует название «Nieflant». Оно не только внезапно появляется в литературе, например в «Кудрун» [24] (211, 1) [29, S. 33–34], но также встречается во многих других документах [8, S. 381]. Дополнительным аргументом для критики в адрес Моне является то, как интерпретируется в историко-лингвистическом отношении замена *l* на *n* [8, S. 383; 41, S. 73].

В пользу архаичного облика текста высказывается также и А.Ф. Мюррей. В качестве подтверждения он приводит не столько названия, сколько используемую лексику вообще. При обозначении «воинов» и «бойцов» Рифмованная хроника отдает, по его мнению, предпочтение слову *helt*, которое, должно быть, воспринимается современными Мюрреем читателями и слушателями как древнее. Действительно, *helt* обнаруживается в Ливонской рифмованной хронике 116 раз, а более современное обозначение *ritter* — только 46. Таково распределение, которое напоминает Мюррею о древней героической поэзии [31, S. 247]. Впрочем, его рассуждения уязвимы с разных точек зрения.

Во-первых, близость между Ливонской рифмованной хроникой и такими текстами, как «Песнь о Нибелунгах» или «Кудрун», установленная Мюрреем с помощью анализа слов *helt* и *ritter*, весьма сомнительна. Если бы сравнивались формы строф эпосов с рифмованными парами стихов хроники, то не могло бы быть и речи хоть о каком-то сходстве. При прочтении текста хроники можно обнаружить лишь несколько мест, которые напоминают «Песнь о Нибелунгах».

Во-вторых, спорно то, что Мюррей на основании лексического сходства с «Песней о Нибелунгах» и «Кудрун» сближает Рифмованную хронику с немецкой героической поэзией, которую он характеризует как языческую и дохристианскую [31, S. 245]. Героическую эпическую поэму XIII в. никоим образом нельзя назвать языческой и дохристианской. Так, В. Гофман считает кардинальной ошибкой [20, S. 303] приписывать такие тексты, как «Песнь о Нибелунгах» или «Кудрун», к древней германской героической поэзии, в то время как Х. Рупп [37, S. 24–25] предостерегает от того, чтобы проецировать древнегерманские представления на литературу XIII в.: Зигфрид из «Песни о Нибелунгах» — это вовсе не древний тевтонский герой, а названная в эпосе Брунхильда вовсе не мифическая Валькирия [14, S. 30].

В-третьих, необходимо отвергнуть основополагающее предположение Мюррея, что слово *helt* относится к древней героической лексике, и современные ему читатели/слушатели должны были воспринимать его именно таковым [31, S. 247]. Й. Шплетт в своем лексическом исследовании «Песни о Нибелунгах» пришел к другому выводу [38, S. 120–122]. Хотя верно то, что в «Песне о Нибелунгах» слова *recke*, *helt* и *degen* при-

сутствуют в большем количестве, чем *ritter*, однако эта лексика характерна также и для сочинений Ульриха фон Цацикхофена (XIII в.), Рудольфа фон Эмса (XIII в.), Райнбота фон Дурне (XIII в.) и других средневековых поэтов. Обращение к использованной лексике также не подходит и для того, чтобы продемонстрировать архаичный характер Ливонской хроники.

Как довод в пользу архаико-героической формы Рифмованной хроники Мюррей приводит еще одно сравнение, отсылающее к характеристике противостояния между братьями и их языческими врагами, в виде боя легендарного великана Экке с Дитрихом Бернским [31, S. 245–250]. Куглер, который прежде всего занимался названиями, используемыми в Рифмованной хронике, для этой же цели обратился к еще одному месту в тексте (стр. 10171–10176) [25, S. 23]. Оно, правда, не подтверждает особую близость Ливонской рифмованной хроники ни к христианизированной германской героической поэзии, о которой говорит Мюррей [31, S. 245], ни к мифолого-магическому воздействию древних песен, что отстаивает Куглер [25, S. 23]. Подобный топос присутствует также в «Тристане» Эйхарда фон Оберга (стр. 6207–6211) [9] и в «Виллегальме» Вольфрама фон Эшенбаха (стр. 384, 18–22) [40]. Отсылка к Дитриху и Экке в любом случае неприемлема для архаичной характеристики, эпика Дитриха была замечена раньше, чем позднесредневековый феномен [17, S. 7].

Итак, ни шаблоны, использованные в Рифмованной хронике, ни определенные названия, а также общая лексика не придают тексту архаичный характер. И речи быть не может о том, чтобы уподоблять Ливонскую хронику, написанную братом ордена, одной из легенд, покрытых туманом древних времен. Что касается актуальности саги, героических преданий и (героического) эпоса для самопрезентации ордена в Ливонской рифмованной хронике, то нельзя признать факт какого-либо преднамеренного и фактически реализованного уподобления архаике. Положение у истоков литературы ордена никак не придает ей мифологический глянец. Рифмованная хроника и вовсе не органично происходит из архаичного или древнего повествования: в ней нет языческого германского повествовательного субстрата. Литературоведческий анализ позволяет развеять очарование мифа, который долгое время воодушевлял исследователей по истории Тевтонского ордена.

Пер. с нем. А. С. Котова
(Томский политехнический университет)

Список источников и литературы

1. Arnold U. De primordiis ordinis Theutonicis narratio. Anfänge der Deutschordens-Geschichtsschreibung // *Scriptores rerum Prussicarum*. Frankfurt a/M., 1968. Bd. 6.
2. Bäuml F.H. The Oral Tradition and Middle High German Literature // *Oral Tradition*. 1986. №1. S. 398–445.
3. Bericht Hermann von Salza's über die Eroberung Preussens / hrsg. von Th. Hirsch // *Scriptores rerum Prussicarum*. Leipzig, 1874. Bd. 5. S. 159–168.

4. Brauns W. Die Livländische Reimchronik // Verfasserlexikon – Die deutsche Literatur des Mittelalters. Berlin, 1955. Bd. 5. Sp. 956–967.

5. Curschmann M. ‚Nibelungenlied‘ und ‚Nibelungenklage‘. Über Mündlichkeit und Schriftlichkeit im Prozeß der Episierung // Deutsche Literatur im Mittelalter. Kontakte und Perspektiven. Hugo Kuhn zum Gedenken / hrsg. von Chr. Cormeau. Stuttgart, 1979. S. 85–119.

6. *Das Nibelungenlied*. Nach der Ausgabe v. Karl Bartsch / hrsg. von H. de Boor. Wiesbaden, 1996.

7. *De primordiis ordinis Theutonici narratio* / hrsg. von M. Toeppen // *Scriptores rerum Prussicarum*. Leipzig, 1861. Bd. 1. S. 220–225.

8. Diederichs V. Niflant // Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. Riga, 1880. Bd. 12. S. 381–385.

9. Eilhart von Oberg: Tristrant und Isalde / hrsg. von D. Buschinger und W. Spiewok. Greifswald, 1993.

10. Favreau M.-L. Studien zur Frühgeschichte des Deutschen Ordens. Stuttgart, 1973.

11. Feistner E., Neecke M., Vollmann-Profe G. Krieg im Visier: Bibelepik und Chronistik im Deutschen Orden als Modell korporativer Identitätsbildung. Tübingen, 2007.

12. Fischer H. Neue Forschungen zur deutschen Dichtung des Spätmittelalters (1230–1500) // Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte. Stuttgart, 1957. Bd. 31. S. 303–345.

13. Forstreuter K. Ein Traktat des Deutschen Ordens aus dem 14. Jahrhundert // Recht im Dienst der Menschenwürde. Festschrift für Herbert Kraus. Würzburg, 1964. S. 445–462.

14. Frakes J.C. Brides and Doom. Gender, Property, and Power in Medieval German Women's Epic. Philadelphia, 1994.

15. Hartmanns von Heldringen Bericht über die Vereinigung des Schwertbrüderordens mit dem Deutschen Orden und über die Erwerbung Livlands durch letztern / hrsg. von Th. Hirsch // *Scriptores rerum Prussicarum*. Leipzig, 1874. Bd. 5. S. 169–172.

16. Haymes E.R. Das mündliche Epos. Eine Einführung in die ‚Oral Poetry‘-Forschung. Stuttgart, 1977.

17. Heinzle J. Mittelhochdeutsche Dietrichepik. Untersuchungen zur Tradierungsweise, Überlieferungskritik und Gattungsgeschichte später Heldendichtung. München, 1978.

18. Helm K., Ziesemer W. Die Literatur des Deutschen Ritterordens. Gießen, 1951.

19. Hester. Eine poetische Paraphrase des Buches Esther aus dem Ordensland Preußen / Edition und Kommentar v. M. Caliebe. Marburg, 1985.

20. Hoffmann W. Kudrun // Interpretationen. Mittelhochdeutsche Romane und Heldenepen / hrsg. von H. Brunner. Stuttgart, 2004. S. 293–310.

21. Hugo von Langenstein: Martina / hrsg. von A. von Keller. Stuttgart, 1856.

22. Judith. Aus der Stuttgarter Handschrift HB XIII 11. 2. Auflage besorgt von Hans-Georg Richert nach der Ausgabe von Rudolf Palgen. Tübingen, 1969.

23. Kallmeyer T. (Hg.) Ditleb's von Alnpeke Livländische Reimchronik // *Scriptores rerum Livonicarum*. Riga ; Leipzig, 1853. Bd. 1. S. 489–727.

24. Kudrun. Nach der Ausgabe v. Karl Bartsch / hrsg. von K. Stackmann. Tübingen, 2000.

25. Kugler H. Die ‚Livländische Reimchronik‘ des 13. Jahrhunderts // *Latvijas Zinatnu Akademijas Vestis*. 1993. №9. S. 22–30.

26. *Livländische Reimchronik* mit Anmerkungen, Namenverzeichnis und Glossar / hrsg. von L. Meyer. Darmstadt, 1963.

27. Löser F. Überlegungen zum Begriff der Deutschordensliteratur und zur Bibelübersetzung // Studien zu Forschungsproblemen der deutschen Literatur in Mittel- und Osteuropa / hrsg. von C.L. Gottmann und P. Hörner. Bern, 1998. S. 7–37.

28. Mertens V. Konstruktion und Dekonstruktion heldenepischen Erzählens. ‚Nibelungenlied‘ – ‚Klage‘ – ‚Titurel‘ // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. 1996. №118. S. 358–378.

29. Meyer L. Sitzungsberichte der gelehrten estnischen Gesellschaft zu Dorpat 1872, 391. Sitzung am 1. März. Dorpat, 1873. S. 31–37.

30. Mone F.J. Rez. „Fragment einer Urkunde der ältesten livländischen Geschichte in Versen, aus der Original-Handschrift zum Druck befördert, mit einigen Erläuterungen und einem Glossar versehen von Dr. Liborius Bergmann, Ober-Pastor und Senior des Rigaschen Stadt-Ministeriums“ // Heidelberger Jahrbücher der Litteratur. 1819. Jg. 12, H. 2. S. 116–137.

31. Murray A.V. The Structure, Genre and Intended Audience of the ‚Livonian Rhymed Chronicle‘ // Crusade and Conversion on the Baltic Frontier 1150–1500 / ed. A.V. Murray. Aldershot ; Burlington, 2001. P. 235–251.

32. Neecke M. Literarische Strategien narrativer Identitätsbildung. Eine Untersuchung der frühen Chroniken des Deutschen Ordens. Frankfurt a/M., 2008.

33. Neecke M. The end of history? Johannes Renner Bremensis and the Livonian Rhymed Chronicle (International Medieval Congress 2006, Paper 1206-c). URL: <http://textfeld.ac.at/text/1395/> (дата обращения: 10.10.2015).

34. Nikolaus von Jeroschin. Di Kronike von Pruzinlant / hrsg. von E. Strehle // Scriptorum rerum Prussicarum. Leipzig, 1861. Bd. 1. S. 291–648.

35. Perlbach M. Ueber die Narratio de primordiis ordinis Theutonici // Forschungen zur deutschen Geschichte. Göttingen, 1873. Bd. 13. S. 387–392.

36. Peter von Dusburg. Chronicon terrae Prussiae / hrsg. von M. Toeppen // Scriptorum rerum Prussicarum. Leipzig, 1861. Bd. 1. S. 3–269.

37. Rupp H. ‚Heldendichtung‘ als Gattung der deutschen Literatur des 13. Jahrhunderts // Volk, Sprache, Dichtung. Festgabe für Kurt Wagner / hrsg. von K. Bischoff und L. Röhrich. Gießen, 1960. S. 9–25.

38. Splett J. Das Wortschatzargument im Rahmen der Gattungsproblematik des Nibelungenliedes // Nibelungenlied und Klage. Sage und Geschichte, Struktur und Gattung. Passauer Nibelungengespräche 1985 / hrsg. von F.P. Knapp. Heidelberg, 1987. S. 107–123.

39. Steinmeyer E. Rez. „Livländische reimchronik mit anmerkungen, namenverzeichnis und glossar hg. v. Leo Meyer“ // Anzeiger für deutsches Altertum und deutsche Literatur. 1876. №2. S. 240–245.

40. Wolfram von Eschenbach. Willehalm. Nach der Handschrift 857 der Stiftsbibliothek St. Gallen / hrsg. von J. Heinzle. Tübingen, 1994.

41. Zitzelsberger O.J. The Heidelberg version of a textual portion otherwise lost from the Livonian Rhymed Chronicle // American journal of Germanic linguistics and literatures. 1991. №3. P. 60–77.

Об авторе

Микаэль Нееке – д-р истории, Университет Регенсбурга, Германия.
E-mail: michael.neecke@ur.de

About the author

Dr. Michael Neecke, Regensburg University, Germany.
E-mail: michael.neecke@ur.de